

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 4, pp. 691–711, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-691-711

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94:929

UDC 94:929



Алтын-ханы и Россия: новые данные (по материалам коллекции рукописей С. К. Кузнецова (1854–1913))

Юлия Георгиевна Кокорина¹

¹ Московский политехнический университет (д. 38, ул. Большая Семеновская, 107023 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор

iD 0000-0002-2496-3958. E-mail: kokorina[at]inbox.ru

Altyn Khans and Russia: New Data (Based on the Materials of S. K. Kuznetsov's Manuscript Collection (1854–1913))

Yulia G. Kokorina¹

¹ Moscow Polytechnic University (38, Bolshaya Semenovskaya St., 107023 Moscow Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Cand. Sc. (History), Professor

© КалмНЦ РАН, 2025

© Кокорина Ю. Г., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Kokorina Yu. G., 2025

Аннотация. Введение. В связи с ростом политического и экономического веса стран Востока в современной мировой политике обращение к истории отношений России с одним из первых государственных образований монгольского народа, с которым Москва вступила в контакт в XVII в. — государством Алтын-ханов — представляется актуальным. Целью данной работы является выявление особенностей этих отношений как диалога культур, специфики каждой из которых проявляется в вводимых в научный оборот документах. Материалы и методы. Материалом для исследования стала коллекция рукописей XVII в., которую собрал российский историк, археолог, этнограф, настоящий ученый-гуманист Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913). Его коллекция хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Материалы коллекции содержат как известные в науке документы, но не полностью введенные в научный оборот, так и новые материалы. Использованы сравнительно-исторический и дескриптивный методы, основанные на принципе историзма. Результаты. Политический и экономический аспекты истории контактов Московского правительства с династией Алтын-ханов хорошо изучены в российской науке. Документы, собранные С. К. Кузнецовым, содержат материалы, касающиеся российско-монгольских отношений с государством Омбо-Эрдени Алтын-хана и его сына Лувсан-сайн Эринчин-хунтайджи. Документы подтверждают информацию о разном понимании монгольской и русской сторонами результатов принесения присяги приближенными Омбо-Эрдени Алтын-хана. Они показывают, что Россия, несмотря на имевшие место недоразумения, не стремилась навязать соседям свои обычаи. Пышный прием послов государства Алтын-ханов и длительная переписка с вручением щедрых подарков демонстрируют, что Московское правительство воспринимало его как военного союзника, хотя реальную помощь обещало только в обмен на подчинение. Монгольское государство, по свидетель-

ству документов коллекции, видело в России равноправного партнера и военного союзника. Алтын-ханы стремились получить у России новейшие достижения европейской науки и техники, а также знакомых с ними профессионалов. *Выводы.* Документы коллекции С. К. Кузнецова расширяют представления о культуре монгольского государства, правители которого стремились за счет контактов с Россией усиливать свою военную и экономическую мощь, поднимать уровень науки и расширять международные связи, сохраняя при этом свое национальное своеобразие.

Ключевые слова: Монголия, Россия, история, дипломатические отношения, культура, Алтын-ханы, XVII век, Сибирь, С. К. Кузнецов

Для цитирования: Кокорина Ю. Г. Алтын-ханы и Россия: новые данные (по материалам коллекции рукописей С. К. Кузнецова (1854–1913)) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 691–711. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-691-711

Abstract. *Introduction.* The countries of the East are gaining increasing political and economic weight in the modern world. The Mongolian peoples created the state of the Altyn Khans in the 17th century. It was one of the first state formations of the Mongolian people, that the Moscow state came into contact with, on its eastern borders. *Goals and objectives* of the study. This article is devoted to the study of the specifics of interaction between cultures, presented as a dialogue, where the unique features of each side are manifested through historical documents introduced into scientific circulation for the first time. The research was based on a collection of 17th-century manuscripts belonging to the Russian historian, archaeologist and ethnographer Stefan Kirovich Kuznetsov (1854–1913), whose collection is kept in the Department of Written Sources of the State Historical Museum in Moscow. The collection includes both well-known but not fully studied documents, as well as new materials that had not previously been introduced into scientific circulation. The study uses comparative historical and descriptive methods based on the principle of historicism. *Results.* In Russian historiography, the political and economic aspects of relations between the Moscow state and the Altyn Khan dynasty have been covered in sufficient detail. The archival materials of S. K. Kuznetsov contain valuable information about the Russian-Mongolian relations with the state of Ombo-Erdeni Altyn Khan and his successor Luvsan-sayn Erinchin-khundaiji. In particular, the documents confirm the existence of differences in understanding the results of the oath taken by the close associates of Ombo-Erdeni Altyn Khan, from the point of view of the Mongolian and Russian sides. They also demonstrate that Russia, despite its differences, did not seek to impose its traditions on neighboring nations. The lavish receptions of the Altyn Khan ambassadors and the lengthy correspondence, accompanied by valuable gifts, indicate that the Moscow government viewed this state as a military ally, but offered real help only in exchange for loyalty. According to the collection's documents, the Mongolian state saw Russia as an equal partner and military ally. The Altyn Khans were interested in obtaining advanced European scientific and technical knowledge, as well as in attracting specialists with this knowledge. *Conclusions.* Documents from the collection of S. K. Kuznetsov expand our understanding of the culture of the Mongolian state, whose rulers sought to strengthen their military and economic power, develop science and expand international relations through contacts with Russia, while preserving their national identity.

Keywords: Mongolia, Russia, history, diplomatic relations, culture, Altyn Khans, 17th century, Siberia, S. K. Kuznetsov

For citation: Kokorina Yu. G. Altyn Khans and Russia: New data (Based on the Materials of S. K. Kuznetsov's Manuscript Collection (1854–1913)). *Mongolian Studies (Elista).* 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 691–711. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-691-711

1. Введение

Сегодня, когда под влиянием смещения центра тяжести мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион активно формируется азиатский вектор внешней политики Российской Федерации [Вардомский 2017: 98], растет внимание российских историков к изучению контактов со странами этого региона, в частности российско-монгольских отношений. В фокусе внимания ученых — история этих отношений с XIII в. до XX в. [Базаров, Курас 2023; Батунаев 2021; Цыб и др. 2021]. Основная черта современных работ — обращение к архивным материалам, ввод в научный оборот новых исторических источников [Документы 2023]. В этой связи актуальным представляется обращение к эпохе начала этих отношений, в частности особенностям установления политических связей с государством Алтын-ханов, с опорой на архивные сведения.

История отношений государства Алтын-ханов и России, как будет показано далее, хорошо изучена в отечественной историографии. В одной из работ предложено написание имен представителей династии монгольских правителей «Алтан-ханы» в соответствии с формой этого имени в монгольской литературе [Чимитдоржиева 2003: 24]. Мы в нашей работе используем наименование «Алтын-ханы», так как оно присутствует в используемых документах именно в этой форме, чтобы избежать терминологического расхождения с архивными данными.

Основным материалом для исследователей взаимоотношений Российского государства с Алтын-ханами служат документы Сибирского и Посольского приказов XVII в., содержащие списки грамот российских царей к монгольским владыкам, переводы ответов и обращений монгольской стороны, «наказы» Томским воеводам и их «отписки» в Москву. Значительная часть этих документов опубликована [Есипова, Старикова 1999; Кузнецов 1890; Материалы 1959; Материалы 1974; Материалы 1996]. Однако нами найдены документы XVII в., относящиеся к интересующей нас теме, которые собирал исследователь истории, археологии и этнографии Сибири Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913). Они содержат информацию, которая дополняет имеющиеся в публикациях сведения о государстве Алтын-ханов и его отношениях с Россией. Введение в научный оборот малоизученных документов определяет новизну данной работы. Целью данной работы является выявление не столько политических и дипломатических особенностей этих отношений, сколько понимание их как диалога культур, акцентирование внимания на культурной специфике, проявляющейся в изученных нами документах. Данная проблема рассматривается в контексте российской и монгольской культур XVII в.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили рукописи XVII и XIX вв., хранящиеся в архиве С. К. Кузнецова. Архив составляет персональный фонд № 443 Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве (далее — ОПИ ГИМ. Ф. 443). Документы XVII в., собранные С. К. Кузнецовым, составляют 32 архивные единицы. Проводя археографическую критику источника, следует отметить, что они представляют собой рукописные «столбцы», написанные на бумаге черными чернилами характерной для этого времени системой записи — «скорописью». Записи сделаны разными почерками с разной степенью тщательности. «Столбцы» отреставрированы. На обратной стороне

некоторых из них содержится надпись карандашом: «С. К. Кузнецов» и ряд букв и цифр, например, «4.7.1-Кузнецов» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 28а. Л. 60об.]. Наличие подобных помет говорит о том, что они могли выполнять роль современного библиотечного шифра и указывать на стремление обладателя коллекции систематизировать свое собрание. Не случайно после переезда из Томска в Москву С. К. Кузнецов читал первый в Российской империи курс по библиотечному делу в Московском археологическом институте [Смирнов 2017: 146].

Документы XVII в., относящиеся к интересующей нас теме, сгруппированы в две архивные единицы [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 27; ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 28а].

Документы по истории Сибири XVII в. неоднократно издавались. Так, в конце XIX в. ряд таких документов издал Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский (1851–1917) [Кузнецов 1890], но среди опубликованных им документов используемых нами нет. Этот исследователь отмечал, что «*большую часть исторических актов в копиях, писанных приблизительно в конце прошлого века и вошедших в настоящее издание, я приобрел у томского старожила и любителя разных редкостей П. А. Пушкирева, у которого ранее меня было приобретено до 1 000 свитков XVII в. библиотекарем Томского университета С. К. Кузнецовым*» [Есипова, Старикова 1999: 1]. Это замечание приоткрывает историю формирования коллекции С. К. Кузнецова. Авторы публикаций грамот XVII в. из фонда Научной библиотеки Томского государственного университета отмечают, что библиотека С. К. Кузнецова поступила в распоряжение Томского университета в 1903 г., «*однако ни один из известных нам источников не упоминает о наличии документов подобного рода в его библиотеке*» [Есипова, Старикова 1999: 1]. Видимо, С. К. Кузнецов вывез свою коллекцию в Москву, где работал с ней, публикуя статьи по истории Сибири. Однако отдельно историей российско-монгольских отношений исследователь не занимался [Смирнов 2017: 155].

Ученые, исследовавшие внешнюю политику России данного периода, работы которых проанализированы далее, использовали документы, хранящиеся Российском архиве древних актов (далее — РГАДА). Историки цитируют использованные ими источники, и некоторые цитаты из них практически дословно совпадают с используемыми нами. Видимо, в Томске хранились документы в копиях XVII в. с некоторых «листов», отправляемых в Москву, и эти списки вошли в коллекцию С. К. Кузнецова. Но в коллекции хранятся и не использовавшиеся ранее российскими авторами материалы, а те, что использовались по фондам РГАДА, введены в научный оборот не полностью, хранящаяся в них информация не исчерпана. Советские и российские археографы предприняли публикацию «Материалов по истории русско-монгольских отношений» в трех выпусках, вышедших в 1959, 1974, 1996 гг. [Материалы 1959; Материалы 1974; Материалы 1996]. В наши дни в сети Интернет запущен проект «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада» [Восточная литература], в который включены материалы РГАДА, в том числе и по рассматриваемой нами теме, но среди них опубликованы те, которые отправлены были из Томска в Москву. Списки их есть в коллекции С. К. Кузнецова, но многие относящиеся к нашей теме документы его собрания в научный оборот не введены.

С. К. Кузнецов, возможно, готовил свои материалы к изданию. Такое предположение основано на том, что все собранные им «столбцы» XVII в. переписаны в конце XIX в. в соответствии с правилами орфографии XIX столетия. Эти документы написаны двумя разными каллиграфическими почерками и содержат правки, принадлежащие С. К. Кузнецovу, как показывает их сравнение с другим рукописными документами фонда. Эти записи XIX в. собраны в две архивные единицы [[ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53; ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Д. 54](#)]. Материалы одной из них [[ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53](#)] подшиты в самодельные тетради и выполнены каллиграфическим почерком черными чернилами с двух сторон листа. На первом листе вверху имеется запись: «*Список с актов, входящих в состав моей коллекции*» и подпись С. К. Кузнецова [[ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 1](#)].

Вторая единица хранения включает также списки с документов XVII в., выполненные каллиграфическим почерком на разлинованной бумаге, причем большинство документов оформлено по принципу «один столбец — один лист». В обеих единицах хранения имеются изредка правки рукой С. К. Кузнецова, касающиеся в основном вставки дат и правок собственных имен. Видимо, переписывающие документы XVII в. люди испытывали трудности с определением чисел, которые в оригинале обозначались буквами. Все листы пронумерованы цифрами, помещенными в круг, что может свидетельствовать либо об обеспечении удобства пользования коллекцией, либо о подготовке рукописей к изданию. В данной работе мы вводим в научный оборот новые источники или фрагменты известных грамот, не публиковавшихся полностью, что обусловило значительное их цитирование. Цитируя документы, мы используем правила современной орфографии и пунктуации, а также пояснения специфических терминов XVII в., даваемые в скобках.

При написании работы нами использован сравнительно-исторический метод, с помощью которого выявлено место вводимых в научный оборот документов; дескриптивный метод, позволивший описать специфику отношений России с Алтын-ханами по материалам коллекции С. К. Кузнецова. В своей работе мы опирались на принцип историзма как ведущий в работе источниковедческого плана.

3. Российские источники об отношениях с Алтын-ханами

3.1. Обзор литературы

Литература по данной теме распадается на два блока. В первый блок входят работы, посвященные биографии С. К. Кузнецова, которые позволяют ярче представить личность ученого и приблизиться к пониманию причин и принципов формирования его коллекции. Второй блок работ включает труды по истории российско-монгольских отношений, в частности отношений с государством Алтын-ханов. Рассмотрим каждый блок работ отдельно.

Первые краткие сведения о Стефане Кировиче Кузнецове опубликованы в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета», где помещена краткая заметка об историке до его назначения библиотекарем Томского университета и приведены его основные исторические и археологические труды [[Загоскин 1904: 115–116](#)]. В монографии М. Р. Филимонова приведена краткая биография С. К. Кузнецова и дана высокая

оценка его деятельности по комплектованию и составлению каталогов библиотеки Томского университета [Филимонов 1988]. В. А. Есипова в энциклопедическом издании, посвященном истории Томского края, приводит подробную биографию исследователя и дает список его основных трудов [Есипова 2001]. А. С. Смирнов опубликовал письмо С. К. Кузнецова А. Н. Островскому, брату известного драматурга. В комментариях к публикации исследователь приводит биографию С. К. Кузнецова, характеризует его личные качества как человека и компетенцию как ученого историка и археолога [Смирнов 2014]. А. С. Смирнов на основе архивных материалов воссоздает подробную биографию С. К. Кузнецова и дает ему высокую оценку как ученому, педагогу [Смирнов 2017]. А. Е. Загребин и Р. В. Зворыгин подчеркивают высокий гуманистический посыл его научной деятельности и активную жизненную позицию [Загребин, Зворыгин 2021].

Второй историографический блок, который составляют труды по истории отношений России с государством Алтын-ханов, хронологически охватывает XVIII–XXI в. Обзор литературы XVIII–XX вв. содержат диссертация и монография Л. Ш. Чимитдоржиевой [Чимитдоржиева 2003: 3–7; Чимитдоржиева 2006], к которым мы и отсылаем заинтересованного читателя. В нашем обзоре мы остановимся на работах, цитировавших российские документы XVII в., так как они позволяют определить, какая информация из них введена в научный оборот, а какая, содержащаяся в списках коллекции С. К. Кузнецова, является новой.

В российской монголоведческой литературе одной из первых активно использовала документы Московского правительства XVII в. Н. П. Шастина [Шастина 1949]. Н. П. Шастина критически относится к работам иностранных авторов, в частности Дж. Баддели [Baddeley 1919], который, по ее мнению, слишком свободно обращался с текстами русских «грамот». В своей статье, специально посвященной истории государства Алтын-ханов, исследовательница использовала как русские, так и монгольские источники, но она в основном пересказывала «столбцы» и цитировала монгольские летописи. Поскольку Н. П. Шастину интересовал исторический и политический ракурс проблемы, информация культурологического характера, содержащаяся в «столбцах», осталась не использованной. В дальнейшем Н. П. Шастина посвятила данной теме свою кандидатскую диссертацию [Шастина 1950], в которой рассматривается установление отношений между двумя государствами до посольства Якова Тухачевского 1634 г., публикуются выдержки из «списков» [Шастина 1950: 17].

Впоследствии Н. П. Шастина подробно проанализировала русско-монгольские отношения в XVII в. на уровне посольств русского царя и всех представителей династии Алтын-ханов друг к другу, используя как российские, так и монгольские документы [Шастина 1958]. Исследовательница использовала материалы Посольского и Сибирского приказов, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ныне — РГАДА) и Архива Академии наук СССР (сейчас — Архив РАН), а также документы на монгольском языке. Н. П. Шастина тщательно прослеживает всю историю отношений, цитируя русские и монгольские документы, что позволяет нам сравнить их информацию с материалами по данной теме из архива С. К. Кузнецова.

Ш. Б. Чимитдоржиев в своих обобщающих трудах по истории российско-монгольских отношений рассматривает историю дипломатических контактов России

с государством Алтын-ханов, используя как опубликованные источники, так и материалы архивов [Чимитдоржиев 1978]. Ученый уделяет особое внимание результатам посольств, опираясь на российские и монгольские документы. Его труды содержат богатую информацию о языке и культуре государства Алтын-ханов, а также о вопросах, составлявших содержание переговоров с русской стороной, и результатах переговоров [Чимитдоржиев 1987].

Специально тему посольств Российского государства к Алтын-ханам рассмотрела в упомянутых выше кандидатской диссертации и монографии Л. Ш. Чимитдоржиева [Чимитдоржиева 2003; Чимитдоржиева 2006], которая использовала источники и литературу как на русском, так и на монгольском и других иностранных языках, в том числе и архивные материалы. Л. Ш. Чимитдоржиева проследила особенности русско-монгольских отношений начиная с XIII в. и тщательно рассмотрела сквозь призму дипломатических отношений историю и культуру населения как самого государства Алтын-ханов, так и соседних районов. Ею выделены и проанализированы основные вопросы переговоров между двумя сторонами, среди которых — принесение шерти (присяги) российскому государству, уплата ясака и преподнесение подарков, торговля и открытие пути в Китай. Особую ценность для нашей темы имеет обращение Л. Ш. Чимитдоржиевой к русским статейным спискам как материалу для описания хозяйства и культуры народов Северо-Западной Монголии.

Динамику отношений с монгольскими государствами, в том числе и с Алтын-ханами, рассматривает в своей статье Е. В. Кабанова [Кабанова 2014]. В этой работе изучаются особенности взаимоотношений, цели и задачи российского государства в регионе. Характеристику отношений Российского государства с калмыками и династией Алтын-ханов дает в своей статье М. И. Гольман [Гольман 2017]. Опираясь на опубликованные источники, ученый раскрывает основные вопросы, которые решались на переговорах, и приходит к выводу о том, что, несмотря на сложности установления дипломатических отношений, торговые связи налаживались и была заложена основа для дальнейших политических связей. М. И. Гольман [Гольман 2020] подчеркивает, что во второй половине XVII в. российское правительство, заинтересованное в укреплении своих восточных границ, не вмешивалось во внутренние дела монгольских государств. Со своей стороны, монгольские правители, включая последнего из династии Алтын-ханов, стремились обеспечить свою независимость от давления маньчжурской империи и доступ на рынки Сибири. Это обусловило активное развитие дипломатических отношений.

Таким образом, изучение контактов России с государством Алтын-ханов в российской историографии имеет определенную традицию обращения к русским источникам XVII в. Перед рассмотрением «грамот» из коллекции С. К. Кузнецова, относящихся к данной теме, необходимо понять особенности личности российского историка, археолога, этнографа, а также приблизиться к пониманию причин, побудивших его обратить внимание на документы, относящиеся к русско-монгольским отношениям XVII в.

3.2. Степан Кузнецов (1854–1913): краткая биографическая справка

Степан (Стефан) Кирович Кузнецов родился в крестьянской семье в Ильинской слободе Малмышского уезда Вятской губернии. Начал обучение в городском приходском, затем — в уездном училище, поступил в третий класс

Казанской гимназии, которую успешно закончил. В 1873 г. он стал студентом историко-филологического факультета Казанского университета и после его окончания был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре римской словесности. Год проработал профессором в Дерптском университете и в 1881 г. получил звание приват-доцента в Казанском университете [Загоскин 1904; Загребин, Зворыгин 2021: 162; Смирнов 2017: 137]. В 1885 г. С. К. Кузнецов переезжает в Томск и становится библиотекарем только что открывшегося Томского университета. Причины переезда точно не известны, предположительно, его пригласил бывший коллега по Казанскому университету В. М. Флоринский (1834–1899), первый попечитель складывавшегося Западно-Сибирского учебного округа.

Деятельность на посту первого библиотекаря Томского университета была настоящим гражданским подвигом С. К. Кузнецова. За три года им был приведен в порядок библиотечный фонд, подготовлен и издан пятитомный каталог библиотеки. Действительно, «существить такое издание за несколько лет почти в одиночку было под силу лишь большому энтузиасту» [Филимонов 1988: 15]. При этом ученый занимался археологическими и этнографическими изысканиями на современном для того времени уровне [Смирнов 2017: 141–143] и активно публиковал свои труды, число которых превышает 50 [Филимонов 1988: 17]. Из публикаций о С. К. Кузнецове следует, что этот человек обладал большой творческой энергией, был исключительно предан науке, воспитанию новой научной смены. При этом С. К. Кузнецов и не был чисто «кабинетным» ученым: в ходе так называемого «мултанского дела» (5 мая 1892 г.– 28 мая 1896 г.) в качестве эксперта-этнографа он выступал против обвинений народов Поволжья в практике человеческих жертвоприношений [Есипова 2001: 77; Загребин, Зворыгин 2021: 164; Смирнов 2017: 141]. В 1903 г. С. К. Кузнецов вышел в отставку и переехал в Москву, где стал преподавателем Московского археологического института, подготовив авторские курсы лекций по библиотековедению (впервые в России), а также по исторической географии, метрологии, хронологии и музееведению. Кроме того, он руководил кружком Сибирской библиографии, организованным в 1907 г. при Русском библиографическом обществе Московского университета [Смирнов 2017: 148]. Коллега С. К. Кузнецова по Московскому археологическому институту У. Г. Иваск (1878–1922) писал в некрологе 1913 г.: «*Степан Кирович вновь отзывчиво принес свои силы сибирскому делу, любя Сибирь, как вторую отчизну. И вновь под его драгоценнейшим руководством началась работа молодых сибирских библиографов... Но судьба решила иначе... Нашего дорогого, незаввенного руководителя не стало*» [Смирнов 2017: 148].

В этой цитате показательны слова «любя Сибирь, как вторую отчизну». В работах об исследователе ничего не говорится о собираемой им коллекции рукописей XVII в., кроме упомянутого выше высказывания И. П. Кузнецова-Красноярского. Видимо, как знаток библиотечного дела и древних рукописей С. К. Кузнецов был избран секретарем археографической комиссии Московского археологического общества [Смирнов 2017: 149]. Но высокая образованность Степана Кировича и его активная жизненная позиция как человека и ученого, интерес к древней истории и этнографии края, где он работал, видимо, побудили его к собиранию рукописей XVII в., относящихся к истории Сибири, среди которых находятся документы и о русско-монгольских отношениях. Необходимо

выявить специфику его коллекции по отношению к уже известному массиву документов.

3.3. История государства Алтын-ханов по данным российских документов

Российские документы называют правителей государства в Западной Монголии, с которыми встретилась Россия при освоении своих восточных рубежей, «Алтын-ханами» (Золотыми ханами), как принято было называть их у тюркских народов [Шастина 1949: 385; Чимитдоржиева 2003: 25], а также «Алтын царями». В обращениях к монгольской стороне не указывается собственное имя хана, возможно, из-за его табуирования в монгольской культуре [Шастина 1949: 385], но в переписке русских воевод имя иногда указывается. Основателем государства Алтын-ханов считают Шолоя Убashi хунтайджи, при котором начался обмен посольствами с Россией [Шастина 1949: 384; Чимитдоржиева 2006: 20]. Первое посольство Василия Тюменца было принято Шолоем Алтын-ханом в 1616 г. В своем статейном списке русский посол описывает внешность, уклад жизни, богослужение монголов [Шастина 1949: 386]. Через два года этот правитель принял московского посла Ивана Петлина, рассказ которого о государстве Алтын-ханов опубликован и переведен на несколько языков [Чимитдоржиев 1987: 43]. Среди рассматриваемых нами документов сообщений об этих посольствах нет.

В 1631 г. к сыну Шолоя Убashi хунтайджи — Омбо-Эрдени (1627–1657) приезжает посольство Казыя Карякина по просьбе монгольской стороны, так как Омбо-Эрдени искал военного союза против Лигдэн-хана чахарского. Российская сторона истолковала просьбу монгольского хана как желание «*стать под царскую высокую руку*» [Чимитдоржиев 1987: 43], что обусловило составление «грамоты» от царя Михаила Федоровича, список которой имеется в коллекции С. К. Кузнецова. По отчетам российских послов 1634, 1636, 1638 гг. и переводам посланий монгольской стороны следует, что Омбо-Эрдени и не думал становиться российским подданным. Он отказался лично принести шерть, но заставил шертовать за себя своих приближенных. Обряд «питья с золота» (из чаши, в которую было положено золото) был воспринят в Москве как переход Омбо-Эрдени Алтын-хана «в холопство», тогда как монгольский хан считал это знаком заключения дружественного союза [Шастина 1949: 388; Чимитдоржиев 1978: 35; Чимитдоржиев 1987: 44; Гольман 2020], так как обряд был символом побратимства [Шастина 1958: 39], «братьства», как называют его документы из рассматриваемой нами коллекции [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 15]. Имеются там и списки документов о покушении на брата Алтын-хана Дурал Табуна со стороны киргиза, находившегося в посольской свите с целью «*проводить как государева милость к Дурал Табуну будет*» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 27]. С. К. Кузнецов приобрел список «грамоты» к русскому царю от лица «Лабы» — тибетского ламы Мерген Ланзы, состоявшего при ставке Омбо-Эрдени Алтын-хана. Подлинник грамоты известен в науке [Шастина 1949: 387]. Ламы при ставках монгольских ханов были не только духовными наставниками и советчиками, но и знатоками языков и дипломатического протокола [Чимитдоржиев 1987: 43].

Сын Омбо-Эрдени Алтын-хана Лувсан-сайн Эринчин-хунтайджи (1657–1696), или Лубсан-тайджи, которого в России называли «Ложаном», неоднократно упоминается в документах. Последние рисуют этого правителя как человека

энергичного и предприимчивого, проводившего активную внешнюю политику [Шастина 1949: 387; Чимитдоржиева 2006: 25]. Среди рассматриваемых нами материалов есть сообщения о его нападениях на киргизов, неоднократных столкновениях с «черными калмыками» (ойратами) [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 26]. Лубсан-тайджи не желал признавать себя вассалом российского царя. Письмо Лубсана-тайдже царю Алексею Михайловичу, написанное на монгольском языке, проанализировано Н. П. Шастиной. В коллекции С. К. Кузнецова имеется список с русского перевода, в котором Лубсан-тайджи называет Алексея Михайловича «Белым царем» и просит восемь тысяч российских «ратных людей» для войны с монгольскими ханами и соседними народами [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 29]. Русский перевод не уловил лингвистическую тонкость, замеченную Н. П. Шастиной по подлиннику письма: русского царя он называет «ханом», а себя — «хаганом», т. е. более высоким по рангу [Шастина 1949: 391]. Однако Лубсан-тайджи шлет письма и подарки не только от своего имени, но и от имени своих родственников, причем не только самому русскому царю, но и царице и детям [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 30–34]. Это обусловлено, видимо, сложным военным положением Лубсан-тайдже. Впоследствии он все же принесет шесть русскому царю, но постоянные войны, борьба за первенство в Западной Монголии истощили государство Алтын-ханов и привели его к гибели [Шастина 1949: 395; Чимитдоржиева 2006: 20].

3.4. Отношения с государством Алтын-ханов: позиция России

В коллекции С. К. Кузнецова имеется фрагмент (начало отсутствует) грамоты Михаила Федоровича 25 мая 1633 г. томским воеводам [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 5], в которой говорится о послании «жалования» Алтын-хану и о необходимости точного отчета со стороны русских послов Якова Тухачевского и Дружины Огаркова о приведении Алтын-хана к шерти. Речь идет о подготовке известного в истории посольства, прибывшего в ставку Алтын-хана в 1634 г. [Шастина 1950: 16; Чимитдоржиев 1978: 44]. Но в «грамоте» послам дается задание «у Алтына царя и у его людей проверить подлинно: где ныне Чичиркан, и в которых местах стоит, и много ли с ним воинских людей, и которых государств с ними воинские люди, и какой у них бой, и сколь давно они Чичиркану помогают, и свою ли волею те люди Чичиркану помогают или Чичиркан те государства, которых с ним люди ходят, поимал и каким обычаем поимал <...> может ли Алтын царь против Чичирканы стоять» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 6].

Русское правительство интересовала расстановка политических сил на своих дальневосточных границах, воинское оснащение возможных противников («какой у них бой» — имеется в виду владение холодным или огнестрельным оружием) и поиск в Алтын-хане, которым, судя по упомянутым лицам и дате, был Омбо-Эрдени [Шастина 1949: 385; Чимитдоржиев 1987: 45; Чимитдоржиева 2006: 26], союзника в борьбе с Чичирканом. Под этим именем фигурирует Лигдэн (1603–1630), хан чахаров. Интересует Московского царя и способ захвата противником новых земель («каким обычаем поимал»). В российской историографии отношений с Алтын-ханами упоминается «Чичиркан», от которого Алтын-хан просил Россию его «оборонить» [Шастина 1949: 385; Шастина 1958: 35; Чимитдоржиев 1987: 45; Чимитдоржиева 2006: 28], но об интересе Москвы к этому правительству не говорится.

Российский государь предписывал в случае прибытия в Томск послов от Алтын-хана «тем алтыновым посланникам держали честь, и ласку, и привет, и береженье» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 7], однако, стремясь наладить отношения с монгольским правителем, Михаил Федорович требовал, «чтобы Алтын царь со своими воинскими людьми на нашей земле не кочевал, и нашим ясаинным и всяким людям сибирских городов и острогов утесненья и обид не чинил, и ясаку и никаких податей ни на себя ни на кого не имал» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 7].

Царское правительство тщательно охраняло свои доходы и территории от возможных посягательств, даже стремясь установить дипломатические отношения с соседями. И это не случайно: в самом начале XVII в. в верховьях Енисея, Иртыша и Оби российскому правительству фактически приходилось делить право на ясак с государством Шолоя Алтын-хана, отца Омбо-Эрдени [Шастина 1958: 22; Чимитдоржиева 2006: 49], а Лувсан-тайджи неоднократно предпринимал походы против «ясиных людей» [Гольман 2020: 45].

К самому же Алтын-хану Омбо-Эрдени была направлена царская грамота от 25 июня 1634 г., в которой царь Михаил Федорович говорит о том, чтобы монгольская сторона прислала своих послов в Томск, а сам царь желает «тебя, Алтына царя пожаловать, велити тебя со всею твою ордою принятии под нашу царского величества руку в холопство, и от недругов тебя оберегати, и ты, Алтын царь, учнешь нам Великому Государю с себя дань давать, и прислати бы к тебе послов наших добрых, и ты, Алтын царь, за себя и за свою орду нам Великому Государю перед теми нашими царского величества послы дать по своей вере шерть учинити» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 8]. В российской историографии рассмотрен отказ Алтын-хана Омбо-Эрдени лично шертовать российскому царю и недовольство словом «холопство» [Шастина 1949: 288; Шастина 1958: 40; Чимитдоржиев 1978: 35; Чимитдоржиев 1987: 44; Чимитдоржиева 2006: 25; Гольман 2020: 56], однако не говорится об обещании российского государства оберегать земли Алтын-ханов, даже если это обычная форма официального документа.

Заключение дипломатических отношений в XVII в. со стороны русского царя закреплялось «крестоцелованием» и приложением царской печати [Семенов 2005: 60], а Алтын-хану предлагалось шертовать «по своей вере», т. е. по своему обычаю, который Москва признавала. В этом отличие от присяги, принесенной монгольским гонцом, которого томские воеводы заставили есть хлеб с ножа, а над его шеей держали оголенную саблю [Шастина 1949: 386; Чимитдоржиев 1978: 36], т. е. навязали свой способ клятвы, что было воспринято монгольской стороной как оскорбление [Чимитдоржиев 1978: 36; Чимитдоржиев 1987: 46].

В грамоте также говорится о постоянных обменах посольствами и установлении военного союза: «нашей государской милости нашего царского величества послы в вашу землю ходили, и ваши послы в нашу царского величества землю по тому же без урыва, и дурна б на обе стороны, и войны ни которые не было» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 9].

Историки высказывают мнение, что Дружина Огарков понял суть монгольского обряда «питья с золота» как заключение не верноподданнических, а равноправных отношений между сторонами [Шастина 1958: 40]. Подтверждает это и текст донесения томских воевод царю Михаилу Федоровичу о допросе

Дружины Огаркова из коллекции С. К. Кузнецова. Подъячий утверждал, что «приводил Яков табунов Алтына царя к шерти не в холопство тебе государю, а в братство» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 15]. Согласно дипломатическому этикету XVII в., «братом» называли равного русскому царю по статусу правителя [Семенов 2005: 51].

Российское государство рассматривало Алтын-ханов как надежную опору на своих восточных границах. Томский воевода Иван Ромодановский докладывал царю Михаилу Федоровичу, что он «к Алтыну царю писал, чтобы на тех твоих Государевых изменщиков, киргизских людей, Алтын царь послал людей своих воиною и подвел бы их под твою Государеву высокую руку в холопство» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 17]. Московское правительство, чтобы подкрепить эту позицию, «буде есть в киргизах люди его Алтына царя, им говорить», что их хан присягнул России и обещал ему «служить и прымить» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 18].

Российское государство было заинтересовано в развитии отношений с Алтын-ханами, о чем говорит пышный прием, оказанный в Томске брату Алтын-хана Омбо-Эрдени — Дуран Табуну. Ему и его свите было выделено «государево жалованье и корму две лошади да ведро вина» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 21], приказано «Томским детям боярским да служилым конным людям быть на выезде в чистом (новом. — Ю. К.) платье», а «на съезжем дворе вельми устроить избу сукны и ковры» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 21–22].

Коллекция С. К. Кузнецова содержит документ, который характеризует отношения России с последним из Алтын-ханов. Царь Федор Алексеевич обещает, обращаясь к Лувсан-хану, что «его государская милость будет к тебе за службу твою наипаче прежнего и служба твоя и радение великому государю забвенны никогда не будут» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 54]. Лувсан-хан хотел, как он сообщал в ответном письме, «воевать киргиз вместе с твоими государевыми людьми» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 18], т. е. искал военного союза с Россией.

3.5. Культура государства Алтын-ханов по данным документов коллекции С. К. Кузнецова

О культуре населения государства Алтын-ханов русские послы сообщали скромно. Известно описание Василием Тюменцем, побывавшим с посольством у Шолоя Алтын-хана, отца Омбо-Эрдени, буддийского богослужения [Шастина 1958: 25]. Интересную информацию дают списки подарков, которыми обменивались стороны. Так, в списке «грамоты» царя Михаила Федоровича Алтын-хану Омбо-Эрдени упоминаются присланые монгольской стороной подарки: «куяк с нагрудником (вид доспеха, который состоял из металлических пластин и блях, набранных и нашитых на ткань. — Ю. К.), и подпачушник и с подшейником оправлен серебром с каменьем (детали упряжи верховой лошади. — Ю. К.), да барс, да десяток бобров, да 200 соболей (шкуры и меха. — Ю. К.)» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10]. Драгоценные подарки в то время служили не только залогом, но и мерилом статуса отношений между государствами [Семенов 2005: 87]. «Грамота» сообщает, что просил в качестве ответного дара Алтын-хан: «прислати к тебе золота, серебра, жемчугу крупного, корольков, каменья разные цветы, панцырь добрый, саблю, пищаль о семи зарядах, атлас золотого сукна, доброго аргамака, колокол, набат, трубу-сурейку, малую трубку

со стеклами, да к тебе бы прислать старца, который побывал в Иерусалиме, чтобы тебе у него посмотреть, как богу молятся, а ты сам не умеешь грамоте, да и переводчика, кто б умел по-русски и по-мунгански грамоте, да лекаря с зельем, да мастера серебряного и пищального, и кожевенного мастера, да часы боевые» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10]. Этот список просьб в сокращенном виде скопирован в грамоте Посольского приказа Томскому воеводе И. И. Ромодановскому от 8 февраля 1636 г. [Чимитдоржиева 2006: 38], но рассматриваемый нами более полон и заслуживает специального рассмотрения. Монгольская сторона просила «жемчугу крупнаго», т. е. морского, который в то время высоко ценился и привозился в Россию купцами с Ближнего Востока, а также особо ценных «корольков» — коралловых бус или пуговиц. Золото и серебро Россия еще не добывала, и ей необходимо было закупать драгоценные металлы. Слово «панцирь» в XVII в. означало как особым способом сплетенную кольчугу, отличающуюся от обычных кольчуг, так и цельнометаллический доспех [Словарь 1988: 146]. Агамаками в русских документах называли как арабских, так и ахалтекинских лошадей, которые очень высоко ценились [Шастина 1958: 92]. «Пищаль о семи зарядах» могла представлять собой как пушку, так и ручное огнестрельное оружие [Даль 1980: 114]. Маловероятно, чтобы в государстве Алтын-ханов предполагали привезти пушку на такое расстояние, — видимо, имеется в виду ручная пищаль. «Набатом» в XVII в. называли или большой барабан, или колокол, в который бьют, оповещая о тревоге [Словарь 1988: 16]. Набат как барабан использовался в военном деле. Так же использовалась и «труба-сурейка» — деревянный духовой музыкальный инструмент. В правление царя Михаила Федоровича существовал целый «трубничий чин», музыканты которого, владевшие как набатами, так и сурейками, использовались в торжественных мероприятиях и на войне [Шамин 2015]. Монгольская сторона знала о существовании подзорной трубы, которая появилась в Западной Европе в XVII в., прося «малую трубку со стеклами» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10].

Для развития военного дела, изготовления огнестрельного оружия и упряжи для верховых лошадей, а также, видимо, для развития необходимых для этого ремесел просили «мастера серебряного и пищального, и кожевенного мастера», а для обеспечения дипломатического взаимодействия — переводчика, знавшего оба языка. Последнее было актуально, так как царь Михаил Федорович писал, что «наша жалованная грамота у тебя по се место еще не переведена, по тому что у вас таких людей, коим ее перевести, нет» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 10].

Примечательна просьба о «лекаре с зельем», т. е. с лекарством. Слово «зелье» имело также значение «яд» и «порох» [Словарь 1978: 372], но государство Алтын-ханов было заинтересовано в профессионалах, умевших изготавливать и применять лекарства. Можно предположить, что просили прислать лекаря-иностраница, что видно из продолжения документа, процитированного ниже. На последнем месте в списке стоят «часы боевые». Имеется в виду часовой механизм, который мог отбивать время, образцы которого распространились в Европе в XVI–XVII вв. Часы в то время были самым сложным техническим устройством [Богданов 2019: 36], и монгольская сторона знала о нем и хотела иметь у себя.

Таким образом, государство Алтын-ханов надеялось получить не просто предметы роскоши, а последние достижения науки и техники. Об отличной

информированности Алтын-ханов о далеких землях говорит, например, просьба Омбо-Эрдени пропустить его послов «в Иерусалим и турецкую землю» [Чимитдоржиева 2006: 44].

В ответ на просьбу Алтын-хана Омбо-Эрдени царь Михаил Федорович послал «сорок золотников жемчугу крупного, атлас золотой, саблю, оправлену серебром, панцырь добрый, пятьсот листов красного золота (золота с примесью меди. — Ю. К.), пятьсот листов двойного золота (тончайшие листы золота, наложенные на такие же тонкие листы серебра и соединенные ковкой. — Ю. К.), шестьсот листов серебра, тридцать золотых, сорок ефимков, пять литров золота и серебра пряденаго (нитей, скрученных пряжей; літр составлял 12 мотков весом по 72 золотника. — Ю. К.), десять аришин сукна багрецу, 19 аришин сукна червонаго, 16 аришин сукна желтаго, 22 королька, а в них 10 (?) (неясное слово. — Ю. К.) серебряных, камней лазоревых, восемьсот камней зеленых, два фунта двенадцать золотников камню янтарю, набат, трубу» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 11]. Царский подарок включал в себя драгоценные металлы и ткани, предметы роскоши, а из применяемых в военном деле — только набат и трубу. В остальных просьбах было отказано.

Интересно объяснение отказа: пищалей «в нашем Московском государстве о семи зарядах не делают, а колокола в нашем российском государстве у церквей божьих, а звонят в них для церковного пения, и послы твои говорили, что тебе такие колокола не пригодятся. А старцы иерусалимские бывають у нас великого государя временно же приходят для милостины на по вся годы потому, что Иерусалим от нашего Московского государства место дальнее, а ныне при послах твоих из Иерусалима старцы не были. А лекаря у нас Великого Государя бывають из разных государств, вольные люди, и в неволю тех чужих государств лекаря послать к тебе непригоже. А серебряные и пищальные мастера, и кожевинники русские — люди православные христианской веры, а мунганскою языку не умеют. И такои дальний путь тем мастеровым людям не за обычай, и православные христианской веры отбытие им немочно. А агамака к вам послати, для дальнего пути, было немочно, и до вашей земли агамака довести невозможно. А часы не посланы за тем, что послы ваши сказали, часов де водить у вас некому» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 12]. Таким образом, Московское правительство не было заинтересовано в передаче подарков и посылке людей, которые могли бы обеспечить укрепление военного и научного потенциала соседнего государства, с которым отношения начали приобретать неопределенный характер [Шастина 1958: 44].

Впоследствии, как показывают документы коллекции С. К. Кузнецова, Алтын-ханы посыпали русскому царю предметы роскоши: «два барса, 250 соболей и хвосты, пять камок¹» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 29]. Отправка дорогих мехов могла подтверждать их обилие в монгольской земле, о чем говорили послы Алтын-хана московскому царю, предлагая завязать торговые отношения [Чимитдоржиев 1987: 42]. В ответ просили дары такого же рода: «и чтобы государь пожаловал жемчугом да камкою две цветы да камкою желтою да камкой кирпичного цвета» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 29], «государь бы его пожаловал 300 корольков больших красных зерен, жемчугу крупного, 300 камня янтаря большого да саблю, и сукон разного цвета до десяти саженей» [ОПИ

¹ Камка — шелковая цветная узорчатая ткань.

ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 29. Ни о каких научных и технических новинках речь уже не идет. В грамоте ламы Мерген Ланзы говорится об интересе России к открытию пути в Китай, но здесь необходимы подарки: «и в те поры дороги не было, а ныне только государь позволил послов послать, а с ними слона, и их пропустят до царя китайского. А буде не будет слона, и их пропустят до укрепленных городов» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 33]. В XVII в. слово «слон» имело три значения: животное, слоновая кость и стенобитное орудие [Словарь 2000: 115]. Видимо, китайский император хотел получить слоновую кость в качестве дипломатического подарка как ценный материал для изготовления предметов роскоши.

Примечателен подарок, присланный русскому царю от Лувсана Алтын-хана: «письмо, да пять камок, осьмнадцать соболей. Алтына царя учтена его осьмнадцать соболей да камка, да инакчи пять стрел» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 54. Л. 17]. Казалось бы, подарки скромные, но важно указание на пять стрел. У древних народов выстрел из лука вверх символизировал вертикальную ось мифологической Вселенной, а выстрелы на четыре противоположные стороны — защиту своей земли со всех четырех стран света [Coomaraswamy 1943: 118]. Можно предположить, что этим подарком демонстрировалась независимость государства Алтын-ханов от России. И действительно: «русское правительство, считая Лувсан-тайджи подданным царя Алексея Михайловича, выдавало желаемое за действительное. Лувсан почти до самого конца своего правления был самостоятельным и полностью независимым правителем» [Гольман 2020: 62].

Однако отношения между государствами развивались, и официальные лица обеих сторон были знакомы с дипломатическим протоколом того времени. Так, прибывший в Томск «Дурал Табун, сын его Есекту, с ним людей его двадцать человек, стали на коленях и говорили речь: послал его Алтын царь из мунгарской земли проводить до Томского государевых царя и великого князя Михаила Федоровича Всех Руси самодержца послов и Алтына царя и брата его, к Великому Государю с данью» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 23]. Бессспорно, этот документ отражает восприятие российской стороны дипломатических подарков как «дани», но далее шел обмен вопросами о здоровье царя Михаила Федоровича и Алтын-хана, что было обязательной частью начала переговоров [Семенов 2005: 15]. В результате встречи в Томске воеводы приняли грамоту к российскому царю «и Дурал Табун и сын его, и люди, которые с ним были, государевым жалованьем, вином и медом, поены довольно и отпущены на двор пьяны» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 23]. Прочитать полученную грамоту никто не смог, так как в Томске «никто мунгарской грамоте не умеет, от мунгарских людей прочесть того было немочно, что были государевым жалованьем пьяны» [ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 53. Л. 26]. Это говорит о достижении «полного согласия сторон», выражаясь современным языком. Как писал знаток истории русского быта И. Е. Забелин, «радущие и гостеприимство наших дедов ставило себе в непременное условие употреблять гостей допьяна. Если хозяин был рад гостю, то приличие требовало употребить все средства, чтобы гость был весел и пьян. Если гость был рад пиру, то приличие требовало не отказываться от чаши, потому что решительный отказ всегда оскорблял хозяина и нарушил доброе расположение между обоими. Древний русский пир „тогда и честен был“, когда все гости напивались» [Забелин 1915: 376].

Таким образом, вводимые в научный оборот документы, хотя ряд их является копиями уже известных в науке, раскрывают новые грани взаимоотношений русского государства с представителями династии Алтын-ханов. Они показывают культурную специфику обеих сторон дипломатического диалога, стремившихся достичь взаимопонимания, несмотря на имеющиеся различия.

4. Заключение

В российской науке последних лет уделяется все большее внимание изучению истории стран Востока, что обусловлено ростом значимости этих государств в мировой политике. Исследование российско-монгольских контактов на основе новых исторических источников находится в русле этой тенденции. Государство Алтын-ханов, наряду с Ойратским государством, было одним из первых государственных образований монгольского народа, с которыми Русское государство установило дипломатические отношения в начале XVII в. [Чимитдоржиев 1978: 38].

Материалом для рассмотрения этих отношений служат как монгольские, так и российские источники XVII в. Документы этого времени собирал историк, археолог, этнограф, настоящий ученый-гуманист Стефан Кирович Кузнецов. Собранные им «столбцы» как являются копиями уже известных документов, полностью не публиковавшихся, так и представляют оригинальные записи, не известные науке. В коллекции С. К. Кузнецова находятся материалы, дополняющие и уточняющие представления, сложившиеся в историографии, о политическом и культурном взаимодействии России с государством Алтын-ханов.

Рассмотрение вводимых в научный оборот документов с точки зрения не только политических или экономических, но и культурных контактов показывает, что коллекция содержит материалы, касающиеся периодов правления Омбо-Эрдени Алтын-хана и его сына Лувсан-сайн Эринчин-хунтайджи. Они иллюстрируют различное толкование обряда «питья с золота», который российская сторона восприняла как переход Омбо-Эрдени Алтын-хана в российское подданство, тогда как это был принятый в монгольской среде обряд побратимства. Документ из рассматриваемого собрания называет установившиеся отношения «братьством». Но, несмотря на недоразумение, обмен посольствами продолжался. Российская сторона интересовалась военной и политической ситуацией на своих восточных границах, стремилась утвердить свое право собирать ясак с местных народов. Документы подтверждают высказанное в литературе мнение о том, что Россия не стремилась навязать соседям свои обычаи, в частности при принесении присяги, хотя и здесь не обходилось без недоразумений. Московское правительство пышно принимало высокопоставленных представителей государства Алтын-ханов и видело в его правителях военных союзников, но помочь обещало только в обмен на принесение «щерти».

Монгольская сторона, как показывают документы коллекции С. К. Кузнецова, видела в северном соседе, прежде всего, военного союзника, а в русском царе — правителя, равного по статусу своим ханам. Перечень подарков, которыми обменивались стороны, демонстрирует стремление монгольской стороны не просто получить драгоценности и предметы роскоши, но и новейшие достижения европейской науки и техники, а также знакомых с ними профессионалов. Таким образом, правители государства Алтын-ханов не только обладали информацией

о достижениях европейской культуры, но и стремились за счет их приобретения поднять культурный и военный потенциал своей страны. Собранные С. К. Кузнецовым документы содержат описание как имевших место разногласий, так и формирования взаимопонимания между двумя государствами, обмена подарками и совместного угощения, имевшего также определенное значение в тогдашнем этикете. Коллекция «столбцов» XVII в., собранная русским ученым, демонстрирует начало не только военных и политических отношений, но и культурного диалога двух народов. Ее дальнейшее изучение представляется перспективным в плане монголоведческих исследований.

Источники

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Department of Written Sources of the State Historical Museum.

Sources

Литература

Базаров, Курас 2023 — *Базаров Б. В., Курас Л. В. Монголия между революцией Синьхайской [1911] и революцией Монгольской [1921]* // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 336–357.

Батунаев 2021 — *Батунаев Э. В. Русско-монгольские торгово-экономические связи в начале XX века: история и этапы развития* // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 6. С. 20–28.

Богданов 2019 — *Богданов И. Ф. История механических часов: 700 лет совершенствования* // Евразийский научный журнал. 2019. № 1. С. 33–37.

Вардомский 2017 — *Вардомский Л. Б. Об азиатском векторе развития России* // ЭКО. 2017. № 7. С. 99–111.

Восточная литература — Средневековые исторические источники Востока и Запада [электронный ресурс] // Восточная литература. URL: <https://www.vostlit.info/> (дата обращения: 13.06.2025).

Гольман 2017 — *Гольман М. И. Первые 30 лет в отношениях России и Монголии в XVII в.* // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 105–113.

References

Bazarov B. V., Kuras L. V. Mongolia between the Xinhai Revolution (1911) and the Mongolian Revolution (1921). *Eurasian Yearbook*. 2023. No. 1. Pp. 36–357. (In Russ.)

Batunaev E. V. Russian-Mongolian Trade and Economic Relations at the Beginning of the 20th Century: History and Stages of Development. *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16. No. 6. Pp. 20–28. (In Russ.)

Bogdanov I. F. History of Mechanical Watches: 700 Years of Improvement. *The Eurasian Scientific Journal*. 2019. No. 1. Pp. 33–37. (In Russ.)

Vardomsky L. B. On the Asian Vector of Russia's Development. *ECO*. 2017. No. 7. Pp. 99–111. (In Russ.)

Medieval Historical Sources of the East and West. Available at: <https://www.vostlit.info/> (accessed: 13 June 2025). (In Russ.)

Golman M. I. Russian-Mongolian Relations in the Second Half of the 17th Century. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 54–67. (In Russ.)

- Гольман 2020 — Гольман М. И. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII века // Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 54–67.
- Даль 1980 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1980. 555 с.
- Документы 2023 — Документы и публикации по русско-монгольскому соглашению 1912 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 61–198.
- Есипова 2001 — Есипова В. А. Кузнецов Степан [Степан] Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Томск. ун-т, 2001. С. 76–78.
- Есипова, Старикова 1999 — Есипова В. А., Старикова Г. Н. Предисловие // Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В. А. Есипова, Г. Н. Старикова. Томск: Томск. ун-т, 1999. 155 с.
- Забелин 1915 — Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и в XVII веках. Т. 1. Ч. 2. М.: А. Д. Ступин, 1915. 498 с.
- Загоскин 1904 — Загоскин Н. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет [1804–1904]: в 2 ч. Ч. 1. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. С. 115–116.
- Загребин, Зворыгин 2021 — Загребин А. Е., Зворыгин Р. В. Степан Кирович Кузнецов — этнограф, археолог и библиофил: Томские годы // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2021. № 73. С. 162–169.
- Golman M. I. The First 30 Years in Relations between Russia and Mongolia in the 17th Century. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 6. Pp. 105–113. (In Russ.)
- Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow: Russkii Iazyk, 1980. Vol. 3. 555 p. (In Russ.)
- Documents and Publications on the Russian-Mongolian Agreement of 1912. *Journal of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2023. No. 1 (23). Pp. 161–198. (In Russ.)
- Esipova V. A. Kuznetsov Stepan (Stefan) Kirovich. In: Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Region: Materials for the Encyclopedia of the Tomsk Region. Tomsk: Tomsk University, 2001. Pp. 6–78. (In Russ.)
- Esipova V. A., Starikova G. N. The Preface. In: The First Century of the Russian Exploration of Siberia. New Documents. In: Collection of Siberian Letters of the 17th – early 18th Centuries in the Collections of the Scientific Library of Tomsk State University Tomsk: Tomsk University, 1999. 155 p. (In Russ.)
- Zabelin I. E. The Domestic Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries. Vol. 1. Part 2. Moscow: A. D. Stupin, 1915. 498 p. (In Russ.)
- Zagoskin N. P. Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Kazan University: for a Hundred Years (1804–1904): in 2 parts. Part 1. Kazan: Imp. University, 1904. Pp. 115–116. (In Russ.)
- Zagrebin A. E., Zvorygin R. V. Stefan Kirovich Kuznetsov — Ethnographer, Archaeologist and Bibliophile: The Tomsk Years. *Tomsk State University Journal. History Series.*.. 2021. No. 73. Pp. 162–169. (In Russ.)

- Кабанова 2014 — Кабанова Е. В. Политика Российского правительства по отношению к монгольскому и казахскому народам в конце XVII–XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 91–102.
- Кузнецов 1890 — Кузнецов И. П. Исторические акты XVII столетия: материалы для истории Сибири. Вып. 1–2. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1890. 111 с.
- Материалы 1959 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. Сб. док. / сост.: Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- Материалы 1974 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. Сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.
- Материалы 1996 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. Сб. док. / сост.: М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.
- Семенов 2005 — Семенов И. Н. У истоков Кремлевского протокола. М.: ИНКОМБУК, 2005. 239 с.
- Словарь 1978 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5: Е–Зинутие / сост. Н. Б. Бахилина и др.; гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1978. 394 с.
- Словарь 1988 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. Г. А. Богатова, гл. ед. Д. Н. Шмелев. Вып. 14: Отрава–Персоня. М.: Наука, 1988. 314 с.
- Словарь 2000 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25: Скорыня–Снуйский / гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Hayka, 2000. 282 с.
- Kabanova E. V. The Policy of the Russian Government towards the Mongolian and Kazakh Peoples at the End of the 17th–18th Centuries. *RUDN Journal. History of Russia Series*. 2014. No. 3. Pp. 91–102. (In Russ.)
- Kuznetsov I. P. Historical Acts of the 17th Century: Materials for the History of Siberia. Vol. 1–2. Tomsk: Typo-Litografija.Mikhailov and Makushin, 1890. 111 p. (In Russ.)
- Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collection of Documents. L. Gataullin, M. Golman, G. Slesarchuk (comp). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 352 p. (In Russ.)
- Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1636–1654. Collection of Documents. M. Golman, G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Nauka, 1974. 469 p. (In Russ.)
- Materials on the History of Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. Collection of Documents. M. Golman, G. Slesarchuk (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 559 p. (In Russ.)
- Semenov I. N. At the Origins of the Kremlin Protocol. Moscow: INKOMBUK, 2005. 239 p. (In Russ.)
- Dictionary of the Russian Language of the 16th–17th Centuries. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1978. 394 p. (In Russ.)
- Dictionary of the Russian Language of the 16th–17th Centuries. Vol. 14. Moscow: Nauka, 1988. 314 p. (In Russ.)
- Dictionary of the Russian Language of the 16th–17th Centuries. Vol. 25. Moscow: Nauka, 2000. 282 p. (In Russ.)

- Смирнов 2017 — Смирнов А. С. Стефан Кирович Кузнецов — член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: История. Исторические науки. 2017. С. 134–155.
- Смирнов 2014 — Смирнов А. С. «... Чего стоила мне эта библиотека!...». Письмо первого библиотекаря Томского университета С. К. Кузнецова библиофилю А. Н. Островскому. 1886 г. [электронный ресурс] // Отечественные архивы. 2014. № 2. https://portal.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N02_letter-kuznetsov.shtml (дата обращения: 13.06.2025).
- Филимонов 1988 — Филимонов М. Р. Книжная сокровищница Сибири. Томск. Томск. ун-т, 1988. 194 с.
- Цыб и др. 2021 — Цыб С. В., Гартман А. В., Чичинов В. А. Очерки хронологии первых русско-монгольских сражений. Барнаул: Алтайск. ун-т, 2021. 243 с.
- Чимитдоржиев 1978 — Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.
- Чимитдоржиев 1987 — Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.
- Чимитдоржиева 2006 — Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 154 с.
- Чимитдоржиева 2003 — Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608–1681 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 180 с.
- Smirnov A. S. Stefan Kirovich Kuznetsov — Member of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. In: Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University: History. Historical Sciences. 2017. Pp. 134–155. (In Russ.)
- Smirnov A. S. “... What this Library Cost me!..” Letter from the first Librarian of Tomsk State University, S. K. Kuznetsov, to bibliophile A. N. Ostrovsky. 1886. Russian Archives. 2014. No. 2. Available at: https://portal.rusarchives.ru/publication/publ_2014_N02_letter-kuznetsov.shtml (accessed: 13 June 2025). (In Russ.)
- Filimonov M. R. The Book Treasury of Siberia. Tomsk: Tomsk University, 1988. 194 p. (In Russ.)
- Tsyb S. V., Gartman A. V., Chichinov V. A. Sketches of the Chronology of the first Russian-Mongol Battles. Barnaul: Altay University, 2021. 243 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev S. B. The Relationship between Mongolia and Russia in the 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 216 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev S. B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka, 1987. 233 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhieva L. S. Russian Embassies to the Mongolian Altan Khans of the 17th Century. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 154 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhieva L. S. Russian Embassies to the Mongolian Altan Khans. 1608–1681. Cand. Sc. (History) thesis, Ulan-Ude, 2003. 180 p. (In Russ.)

- Шамин 2015 — Шамин С. М. Накры как один из атрибутов государственной власти: от Ивана IV до Петра I (к вопросу о царском трубничем чине) [электронный ресурс] // Каптеревские чтения. Сб. ст. [Вып. 13]. 2015. URL: <http://moscowstate.ru/nakry-kak-odin-iz-atributov-gosudarevoj-vlasti-ot-ivana-iv-do-petra-i-k-voprosu-o-tsarskom-trubnichem-chine/> (дата обращения: 13.06.2025).
- Шастина 1949 — Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. 1949. Вып. VI. С. 383–395.
- Шастина 1950 — Шастина Н. П. Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии: автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1950. 18 с.
- Шастина 1958 — Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Вост. лит., 1958. 182 с.
- Baddeley 1919 — Baddeley J. Russia, Mongolia and China. London: Macmillan and Co, 1919. 2 vols bound in one, 16 + CCCLXVI p., 22 maps and 3 pl., genealogical tables; XII +448 p., 3 pl. and 5 maps.
- Coomaraswamy 1943 — Coomaraswamy A. K. The Symbolism of Archery // Ars Islamica. 1943. Vol. 10. Pp. 105–119.
- Shamin S. M. Covers as one of the Attributes of the Sovereign Power: from Ivan IV to Peter I (on the question of the royal trumpet rank). Kapterevsky Readings. Collection of Articles 2015. No. 13. Available at: <http://moscowstate.ru/nakry-kak-odin-iz-atributov-gosudarevoj-vlasti-ot-ivana-iv-do-petra-i-k-voprosu-o-tsarskom-trubnichem-chine/> (accessed: 13 June 2025). (In Russ.)
- Shastina N. P. Russian-Mongolian Embassy Relations of the 17th Century. Moscow: Sovetskoe Vostokovedenie, 1958. 182 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. The first Relations of the Moscow State with the Altyn Khans of Western Mongolia. Cand. Sc. (History) thesis. Leningrad, 1950. 18 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. Altyn Khans of Western Mongolia in the 17th Century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1949. No. 6. Pp. 383–395. (In Russ.)
- Baddeley J. Russia, Mongolia and China. London: Macmillan and Co, 1919. 2 vols bound in one, 16 + CCCLXVI p., 22 maps and 3 pl., genealogical tables; XII +448 p., 3 pl. and 5 maps.
- Coomaraswamy A. K. The Symbolism of Archery. Ars Islamica. 1943. Vol. 10. Pp. 105–119. (In Eng.)